

Ольга ОСА

ЭГОИСТКА

Ольга ОСА

Эгоистка

«Автор»

2026

ОСА О.

Эгоистка / О. ОСА — «Автор», 2026

Всю прошлую жизнь я жила ради других. Тянула детей-эгоистов, экономила на себе, а в итоге умерла в хосписе в полном одиночестве. Но судьба дала мне второй шанс. Очнувшись в новом, молодом теле в магическом мире Шафрана, я поклялась: больше никакой жертвенности и никакой любви! Теперь я живу только для себя. Я — лучший артефактор Остгарда, создательница уникальных порталов и сказочно богатая женщина. У меня идеальная жизнь и обаятельный глава теневой гильдии в любовниках. Идиллия рушится, когда ко мне врывается суровый генерал с требованием отдать мои изобретения на благо короны. Мало того, что этот вояка бесит меня своей правильностью, так еще и в государстве начинают происходить пугающие вещи. Люди пропадают, из ниоткуда лезут монстры, а мое идеальное здоровье стремительно ухудшается. Чтобы выжить, мне придется выйти из зоны комфорта и ввязаться в смертельную игру. Но учтите, генерал, спасти мир — это катастрофически нерентабельно. Я выставлю вам огромный счет!

© ОСА О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Ольга ОСА

Эгоистка

Пролог

Умирать — это мерзко.

Но еще омерзительнее — осознавать, что ты умираешь. Чувствовать, как твое тело, клетка за клеткой, сдает позиции, а разум при этом остается пугающе ясным.

Мне пятьдесят один год. Жить бы еще да жить. Гулять по паркам, пить кофе по утрам, ворчать на счета за коммуналку... Но вместо этого я лежу в палате хосписа. Лежу и смотрю в идеально белый, стерильный потолок под монотонный, раздражающий писк кардиомонитора.

Соседняя койка пустует — вчера вечером оттуда увезли женщину. К ней до самого конца приходили родственники. Они сидели рядом, держали ее за высохшие руки, плакали, умоляли выкарабкаться. И искренне, навзрыд горевали, когда ее не стало.

А я... Я уйду в звенящей, вымораживающей тишине. Совершенно одна. Брошенная всеми. Никому не нужная.

Где-то внутри, под ребрами, снова заворочалась глухая, неутраченная боль. И вместе с ней в голове забились заезженная, липкая мысль: «За что? Почему именно я? Я же всё делала правильно... За что, Боже, ты меня так наказываешь?»

Перед глазами, словно слайды старого диафильма, начали мелькать картинки моей, как выясняется, абсолютно никчемной жизни.

Я родилась в многодетной семье. Слово «бедность» не передавало и десятой доли того, как мы жили. Мы выживали. Я донашивала зацелованные до дыр вещи за старшими братьями и сестрами. Иголку с ниткой я научилась держать раньше, чем ручку — давать старым тряпкам вторую, а то и третью жизнь стало моим главным навыком. Жаль только, что с обувью эта магия не работала. Я до сих пор помню это чувство: ты шлепаешь по лужам в огромных, на три размера больше, башмаках, которые клеены-переклеены клеем «Момент» по десятому кругу, а нога внутри скользит в протертом шерстяном носке.

Но я не жаловалась. Родители тянулись из последних сил, работали на износ, чтобы мы хотя бы иногда чувствовали себя счастливыми.

Во рту вдруг отчетливо, до спазма в горле, возник вкус из детства. Тот самый, редкий, праздничный десерт. Кусок черного, ноздреватого хлеба, щедро намазанный сливочным маслом (которое само по себе было роскошью) и посыпанный сахаром.

Господи... Как же мне сейчас захотелось этого хлеба! Почувствовать, как хрустят кристаллики сахара на зубах, как тает масло...

Я скосила глаза на тумбочку у кровати. Пусто. Даже стакана воды нет. Мне не у кого было попросить этот кусок хлеба. И винить в этом, кроме самой себя, мне было некого.

Пи-и-ип. Пи-и-ип. — отсчитывал секунды монитор.

Я выскочила замуж в двадцать. Классика жанра — по залету. Но тогда, глупая и наивная, я свято верила, что это по большой, неземной любви. Ведь какие он пел дифирамбы! Как смотрел! Нашу первую дочку он действительно любил, носил на руках. А через год родился сын. Гордость семьи, наследник!

Муж захотел погодок. А хотела ли я? А восстановился ли мой организм после первых родов, бессонных ночей и пеленок? Никого это не интересовало. «Любимый хочет, значит, рожу. Справлюсь как-нибудь», — сказала себе я.

Я справилась. Но цена оказалась высока. Располневшая, замотанная бытом, с темными кругами под глазами и пахнущая срыгнутым молоком — я перестала его привлекать. Начались

измены. Сначала тайные, потом всё более открытые. А потом наступил день, который пробил дно абсурда.

Я помню это так четко, словно это было вчера.

Вечер. В коридоре хлопает входная дверь. Забегает муж, благоухающий чужим парфюмом, и кричит:

— Милая! А где у нас презервативы лежат?

Я, сидя в кресле с расстегнутым халатом и кормя грудью его сына, на полном автомате, как робот, отвечаю:

— В аптечке. На холодильнике.

— Спасибо! — доносится с кухни, а затем из коридора: — Сегодня меня не жди, ложись спать без меня!

Хлопок двери.

Я встала. Подошла к окну, качая на руках тяжелого младенца. Посмотрела вниз, на тускло освещенный двор. А там мой муж, смеясь, открывал дверцу машины перед какой-то длинноногой блондинкой.

Я стояла в прострации, не в силах даже заплакать. Внутри было пусто. И спасибо моему сыну — в тот момент он так сильно, до крови, укусил меня за грудь своими первыми зубками, что эта резкая физическая боль мгновенно прочистила мне мозги.

Пелена спала. Я вдруг поняла, что не на помойке себя нашла.

Уложив детей, я достала чемоданы. Тихо, методично и очень аккуратно собрала все его вещи, выставила на лестничную клетку. Написала записку соседям, чтобы не вздумали выкидывать или забирать. Вызвала мастера на час и сменила замки. Квартира была съемная, но договор, к счастью, был оформлен на меня.

На следующий день он пытался пробиться обратно. Орал, бил кулаками в запертую дверь. Нулевой вариант. Развели нас быстро, по обоюдному согласию. Алименты он первое время платил исправно, а потом — новая жена, новая жизнь, и деньги начали приходить с перебоями.

Но и тут я не сдалась. Приставы стали моими лучшими друзьями, а через суд я добилась увеличения выплат.

Я тянула детей сама. Окончила университет экстерном, недосыпая ночами. Пошла работать учителем физики в школу. Затем мои научные статьи заметили, пригласили на кафедру в местный университет. Зарплата стала больше, но и дети росли, а вместе с ними росли их аппетиты.

«Всё лучшее — детям!» — этот девиз стал моей религией.

Я ходила в одних и тех же осенних сапогах пять лет, экономя на себе, не доедая любимого сливочного масла, лишь бы купить дочке модный телефон, а сыну — новую приставку.

С кем бы я ни пыталась построить отношения, мои «кровиночки» устраивали бойкоты. Закатывали истерики, манипулировали. И я выбирала их. Снова и снова принося себя в жертву.

Кого я вырастила? Махровых, эталонных эгоистов.

Дочь выскочила замуж рано, родила и тут же попыталась спихнуть ребенка на меня. Сынок пошел по ее стопам — женился, и вскоре у них с невесткой тоже родился первенец.

А когда я, уставшая до одури, посмела сказать «нет», когда отказалась быть круглосуточной, бесплатной нянькой (ведь у меня была кафедра, студенты и... наконец-то появился хороший мужчина, Виталик), разразился скандал века. Меня обвинили во всех смертных грехах.

Внуков я больше не видела. Как и детей.

«Ну и ладно, — думала я тогда, глотая обиду. — Взрослые уже. Это их выбор. Зато у меня есть Виталик». Я наивно ждала кольца и предложения.

Но вместо предложения на работе меня отправили на обязательную диспансеризацию.

Там я и услышала свой диагноз. Приговор, обжалованию не подлежащий.

Виталика сдуло из моей жизни так быстро, будто его ураганом унесло.

А дети... Детям я, конечно, позвонила. Надеюсь на что-то. Глупая.

— И? Что ты от меня хочешь? — раздраженно выдохнул в трубку сын. — Денег? Нет, мать. Ната второго ждет, нам еще за ипотеку платить. Сама как-нибудь.

И короткие гудки. А ведь я даже не успела заикнуться о деньгах.

Дочь выслушала новость молча, а потом деловито уточнила:

— Надеюсь, квартиру ты на меня отпишешь? Я всё же старшая. Да и устали мы с Валериком по съемным углам копошиться. Так что, когда соберешься к нотариусу — дай знать. Валерка отвезет. Пока, мам.

Вот тогда я вспомнила тот самый детский укус за грудь. Посмотрела на себя в зеркало и рассмеялась. Горько, страшно. Каких чудесных стервятников я воспитала!

На следующий же день я выставила квартиру на продажу. Сама сняла скромное жилье. Уволилась с кафедры. Я решила, что буду биться за свою жизнь до последнего. Деньги теперь были.

Но... Физику не обманешь. Как и биологию. Время было упущено. Врачи в платных клиниках лишь сочувственно разводили руками и прятали глаза.

Оставшиеся от продажи квартиры миллионы я, не дрогнув рукой, перевела на счета благотворительных фондов. Тем, кому еще можно было помочь. Чужим людям. А сама собрала сумку и приехала сюда, в хоспис.

Конечно, я написала детям, где я. Но за эти месяцы дверь моей палаты так ни разу и не открылась.

Боли почти не было — морфий делал свое дело. Было только чувство неотвратимо надвигающейся, липкой пустоты. Я физически ощущала, как жизнь вытекает из меня. Как вода сквозь пальцы, оставляя лишь холод.

Дышать становилось всё труднее. Картинка перед глазами начала мутнеть, распадаясь на серые пиксели.

И в этот последний миг, собирая остатки угасающего сознания, я не стала просить прощения. Я не стала просить рая.

Я мысленно, со всей яростью, на которую была способна моя истерзанная душа, прокричала во тьму:

«Боже... Если ты есть. Дай мне еще один шанс! Дай мне прожить мою лучшую жизнь! И я клянусь тебе — я проживу ее только для себя! Я проживу ее как надо!»

Вдох.

Хриплый, прерывистый выдох.

Писк кардиомонитора слился в одну сплошную, пронзительную линию.

А потом наступила тьма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.